

Пятидесятилетний префект Се Яньхан повидал на своем веку немало взлетов и падений: когда-то он занимал высокий пост младшего великого секретаря, но после опалы оказался в кресле провинциального префекта. Столь крутые повороты судьбы, впрочем, не сломили его — он сохранил редкое душевное равновесие.

Да и стоило ли унывать, когда его ученик вырос в достойного мужа, а в собственной семье царил полный лад?

Ни ссылка, ни разжалование не повергли Се Яньхана в уныние и не заставили искать утешения на дне кубка. Пройдя сквозь горнило суровых испытаний, он научился взирать на превратности судьбы с легкой, почти безучастной улыбкой.

Однако когда любимый ученик положил перед ним проект строительства новой пристани в уезде Шаоюань, старик невольно сделал поспешный глоток чая, силясь скрыть изумление.

— Хэньян, — префект Се указал пальцем на итоговые цифры сметы в конце свитка. — В казне Шаоюаня с прошлого года осталась лишь жалкая горстка монет, которой едва хватит на малую долю этих расходов. Да и казна префектуры не резиновая. Не лучше ли урезать расходы, убрав сопутствующие строения и оставив лишь саму пристань?

В бумагах подробно расписывалось, что уездная управа берет под строгий надзор размеры и назначение всех строений на причале — от постоянных дворов и крупных трактиров до крошечных уличных лотков.

Да, Цзян Умянь умудрился навести порядок даже среди бродячих торговцев, предусмотрев для них временные патенты на ведение дел.

— Когда на причалах закипит жизнь, а склады для приезжих купцов будут готовы, это место станет точкой притяжения для сотен судов, — мягко возразил Цзян Умянь. — Вы ведь и сами видели, достопочтенный учитель, как швартуются корабли в Нанькане. Чтобы уберечь товар от воров, почти вся команда, за исключением старших приказчиков, ночует в тесных каютах.

Но если сделать гавань достаточно просторной и удобной, купцам больше не придется устраивать стихийные торги прямо на палубах, опасаясь сгружать ящики на сушу.

В конце концов, когда все твое богатство качается на волнах, разве сможешь со спокойной душой уйти в город, чтобы выпить кувшин вина или выспаться на мягкой постели?

Разумеется, нет.

Для таких осторожных людей ночлег в шаге от причала станет избавлением. Утром достаточно сделать пару шагов, чтобы проверить сохранность тюков, а в случае непредвиденных обстоятельств можно мгновенно подать знак команде. Удобные комнаты на суше всяко лучше

душного трюма, так что мало кто откажется от подобной роскоши.

Се Яньхан долго всматривался в раскрашенный яркими красками чертеж будущей пристани.

— Твоя правда, — покачал он головой, соглашаясь. — После изнурительных недель в открытом море никто не откажется от сытного ужина и мягкой постели. А если в гавани посчастливится встретить нужного человека и договориться о выгодной сделке — это ли не удача? Воистину, за такое стоит осушить не один кубок!

Цзян Умянь молча кивнул. Великие дела часто вершатся за накрытым столом, и обилие чайных домов и харчевен у самой воды как нельзя лучше подходило для того, чтобы свести вместе продавцов и покупателей из самых отдаленных провинций.

Но префект вновь вздохнул и с сожалением развел руками:

— И все же, Хэньян, казна префектуры сможет выделить тебе лишь ничтожную часть от этой суммы.

В префектуре Нанькан девять уездов, и префект не имел права обделять одни земли ради других, изымая серебро из чужих бюджетов ради столь амбициозного и затратного начинания.

Сказать по правде, за последний год один лишь Шаоюань принес в казну втрое больше серебра, чем остальные восемь уездов вместе взятые.

И его способный ученик, вне всяких сомнений, заслуживал за это величайшей похвалы.

— Вашей поддержки уже более чем достаточно, — почтительно поклонился Цзян Умянь. — Благодарю вас, учитель. Ваш ученик не пожалеет сил, чтобы довести дело до конца.

Се Яньхан тепло похлопал его по плечу и с гордостью улыбнулся:

— Ты продумал все до мельчайших подробностей, расписав каждый шаг с безупречной точностью. Разве мог я отвергнуть столь блестящий замысел?

От скрупулезно составленного прошения и точной, до единой медной монеты, сметы расходов на строительный камень и древесину до детальных чертежей и цветного рисунка готовой гавани — во всем чувствовалась твердая рука мастера. Префект понимал, сколько бессонных ночей Цзян Умянь провел над этими бумагами.

Это не было плодом досужих фантазий: проект опирался на реальные топографические замеры и многократно перепроверенные расчеты, которые юноша кропотливо переносил на свитки.

В отличие от привычных для Великой Чжоу тушевых пейзажей, этот чертеж был выполнен в строгих геометрических линиях. Каждому будущему зданию соответствовал отдельный подробный эскиз, а на такую колоссальную работу явно ушел не один месяц.

Становилось ясно: пусть даже недоброжелатели из клана Хань лишили молодого чиновника возможности пройти государственную службу при дворе, Цзян Умянь сумел прочно встать на ноги в глухой провинции исключительно благодаря собственному блестящему уму.

Под его присмотром уезд Шаоюань развивался размеренно и уверенно, закладывая прочный фундамент для грядущего процветания.

Даже когда срок его службы на этой земле подойдет к концу, оставленные им мастерские, прочные дороги из серого цемента и новая пристань будут еще многие десятилетия кормить местных жителей, даруя им безбедную жизнь.

По сути, эти скромные чертежи уже предопределили великое будущее уезда.

Стоит лишь закончить строительство, и торговые суда уже не смогут отказаться от удобной гавани для пополнения припасов. А если прибавить к этому редкие целебные травы, благовония и необычные товары, которыми славился Шаоюань, берега уезда вскоре окажутся усыпаны купеческими джонками со всей Поднебесной.

Обещание сократить путевые расходы на треть гарантированно привлечет караваны. А вырученных денег, даже за вычетом трат на жалование рабочим, закупку ткацких станков, цемента и обожженного кирпича, вполне хватит, чтобы возвести саму основу будущей гавани.

Что же до сопутствующих построек, то здесь на выручку должны были прийти деньги самих купцов.

Как только основные причалы будут готовы, участки земли вокруг них можно выставить на торги среди богатых торговых домов. Подобный сбор средств позволит уезду быстро и без лишних затрат обзавестись всей необходимой инфраструктурой.

Едва получив письменное дозволение управы, Цзян Умянь отправил советников Цзян Цю и Чжао Чэна в префектуру Сунцзян. Их главной задачей было переманить к себе тамошних умельцев и сманить способных людей на службу в Шаоюань.

Призывы переселяться в уезд распространяли преимущественно в пределах области Линнань. Посылать глашатаев в дальние края было накладно и бессмысленно — никто не захотел бы пускаться в опасный путь ради призрачных обещаний, так что Цзян Умянь благоразумно свернул эту затею.

Он трезво оценивал все трудности: дороги в Великой Чжоу оставались гиблым местом.

Путешествие даже из относительно близкой области Цзяннань в Линнань таило в себе смертельную угрозу, что уж говорить о более далеких землях.

На дорогах самой Линнани тоже было беспокойно, но те, кто решался идти вместе с хорошо охраняемым караваном Шаоюаня, избегали большинства дорожных опасностей. Прочее же зависело от слепой удачи и воли Небес.

Однако теперь времена менялись. Разрешение на строительство пристани открывало перед уездом морские пути, что позволяло добираться сюда на кораблях, значительно сокращая время в пути.

Пусть плавание по бушующим волнам оставалось делом рискованным, порой не сулящим ничего, кроме деревянного гроба, для отчаявшихся бедняков это был шанс вырваться из нищеты и попытать счастья на новом месте.

Кампания по привлечению переселенцев вновь набрала обороты: советники Цзян Цю и Чжао Чэн спешно двинулись на север, держа путь на Сунцзян.

Они отсутствовали больше месяца. Удалось ли им переманить мастеров — пока оставалось тайной, но в самом Шаоюане тем временем подошел срок жатвы раннего риса.

В этот раз поля щедро сдобрили удобрениями, строго по правилам внеся и основную подкормку, и последующие. Управа готовилась к жатве с величайшим трепетом.

Накануне страды Чэнь Пин ежедневно навещал местных стариков, страдавших от ломоты в суставах, выпрашивая, не предвещает ли их недуг скорого ненастья.

Старики с больными суставами были надежнее любого предсказателя погоды: стоило влажности в воздухе подняться перед грозой, как застарелая хворь тут же давала о себе знать.

Жатва — дело спешное, тут нужно угадать с погодой: успеть срезать колосья до первых капель дождя и поскорее разложить зерно для просушки.

Стоит небу затянуться тучами на несколько дней, и несобранный рис сгниет или прорастет прямо в колосьях.

Не зря в народе это время исстари звали «спешной страдой».

В Шаоюане дожди лили круглый год без передышки. Летние месяцы исходили удушливым зноем и сыростью. Стоило промедлить хоть день, и полугодовой крестьянский труд шел прахом, а вчерашние свободные хозяева земли шли по миру, нанимаясь в батраки к богатым.

Оттого Чэнь Пин и следил за летней жатвой с неослабевающим вниманием.

Едва над землей проглянуло чистое солнце, он кликнул служителей из Налоговой палаты и поспешил в деревню Чэньцзя, дабы лично присутствовать при взвешивании первого зерна.

В иных местах крестьяне еще сомневались, но жители Чэньцзя во всем беспрекословно следовали советам молодого судьи.

Пусть семян китайского астрагала на всех не хватило и где-то всходы были редкими, крестьяне строго соблюдали предписанные судьей правила ухода. Земли Чэньцзя по праву считались опытными наделами.

Именно поэтому здешний укос должен был показать чистый и достоверный результат.

Цзян Умянь тоже не остался в управе. Ему нетерпелось воочию увидеть, сколько зерна принесут ухоженные, обильно удобренные поля.

Прибыв на место, он вместе с Чэнь Пином сразу направился к меже. Работа здесь уже кипела: тучные, налитые чистым золотом колосья гнули стебли к самой земле.

— Господин судья, взгляните! — задыхаясь от волнения, воскликнул Чэнь Пин. — Все поле, от края до края, удобряли строго по вашей указке! Колосья стоят полные, пустых зерен почти нет!

Колосья налились силой, пустых оболочек почти не попадалось, да и весили они куда больше обычного.

Чэнь Пин полжизни провел на пашне, до тонкостей изучив повадки вредителей и капризы земли. Стоило ему взвесить в ладони пригоршню срезанных стеблей, как он понял: зерно вышло на диво увесистым.

Шелуха легко поддавалась пальцам, обнажив плотное, продолговатое рисовое зерно теплого кремового оттенка. Оно источало едва уловимый, свежий аромат пашни. Из такой крупы выйдет чудесная, рассыпчатая каша.

Когда весы замерли на последней отметке, над током пронесся оглушительный взрыв ликования.

Чжан Жун во все глаза уставился на гири весов: один му дал без малого пятьсот девяносто один цзинь — почти шесть даней!

Почти шесть даней! По меркам будущих веков, привыкших к тоннам селекционного зерна,

цифра скромная, но для Великой Чжоу это граничило с чудом. В здешних краях даже с самых лучших и ухоженных полей в урожайный год собирали не более двух даней.

Но ценнее всего было то, что этот небывалый урожай не являлся случайным капризом природы — его можно было повторить на любом поле, просто используя те же удобрения.

Это наглядно доказало великую пользу нового метода, а сам Цзян Умянь, безвозмездно открывший людям секрет приготовления подкормки, стяжал себе вечную славу среди простого люда.

Что теперь могли поделать завистники из клана Хань?

Перед лицом земли, рождающей по шесть даней с одного му, все их козни и нападки казались пустяком.

А если добавить к этому новые дороги из серого цемента, то по истечении трех лет службы молодого судью ждало верное и стремительное повышение.

Седой староста Чэньцзя плакал навзрыд, утирая слезы заскорузлыми пальцами. Он готов был прямо в дорожную пыль рухнуть на колени перед Цзян Умянем и, срываясь на хриплый крик, без конца твердил:

— Господин судья, это правда! Все до единого зернышка — правда!

Крестьяне иступленно перепроверяли вес мешков, зарывались ладонями в горы свежего зерна, все еще не веря, что земля способна родить почти шесть даней с одного му.

Чжан Жун сиял, не в силах сдержать ликующей улыбки:

— Господин судья, теперь к нам потянутся и караваны, и лучшие корабельные плотники!

Собрать шесть даней с му — неслыханное чудо. Будь столица поближе к дикой Линнани, сам государь наверняка пожелал бы приехать и взглянуть на это великолепие, а то и вознес бы это зерно к алтарю во время великого жертвоприношения Небу.

Когда слухи об урожае разлетятся по округе, разве уезду придется упрашивать мастеров или искать серебро?

К тому же Цзян Умянь уже преподнес трону чертежи усовершенствованного плуга для заливных полей, пригодного для северных краев. Перед лицом этих двух великих заслуг злословие клана Хань потеряет всякий вес.

Ведь все деяния Цзян Умяня были направлены на благо народа, так что даже злейшие враги не смогут найти повод для клеветы. Да и префект Се был лишь в опале, но не мертв — его бывшие столичные связи все еще имели немалую силу.

Теперь многие поспешат засвидетельствовать уезду свое почтение, желая приобщиться к его небывалому успеху.

О том, что принесет грядущее, рассуждать было рано — важнее было управиться с делами насущными.

Постепенно жатва в Чэньцзя подошла к концу. Средний урожай по деревне составил неслыханные три даня с каждого му.

Подобного изобилия здешние места не знали от сотворения мира. Даже в самые благодатные годы расцвета великих династий прошлого амбары не ломились от такого богатства, а ныне это чудо явил миру захудалый уезд Шаоюань.

Когда чиновники уездной управы вновь собрались за общим столом, все они пребывали в сладостном оцепенении, а их лица светились столь безумной радостью, что со стороны их можно было принять за помешанных.

Цзян Умянь первым вернул себе прежнюю невозмутимость и обратился к подчиненным:

— Советник Линь, велите собрать все записи о сборе зерна и отчеты о свойствах удобрений. Подготовьте три копии: одну оставьте в уездном архиве, а две другие отошлите в префектуру. Пишите строго по делу, без ложного пафоса — пусть за нас говорят сухие цифры.

Советник Линь глубоко вздохнул, унимая дрожь в руках, и склонился в поклоне:

— Слушаюсь, господин судья!

Между тем слухи о небывалом чуде уже повсю гуляли по окрестным землям. В уезде насчитывалось восемь деревень, страда длилась больше двух недель, и скрыть весть о ломящихся от зерна амбарах было невозможно.

Первыми о небывалом урожае прознали соседние земли, и быстрее прочих новость облетела уезд Пинцин.

В свое время немало тамошних жителей перебралось в Шаоюань. Обжившись на новых землях, они продолжали слать весточки оставшейся в Пинцине родне, и стоило весам на току зафиксировать рекордные цифры, как переселенцы поспешили отправить гонцов к близким с радостной вестью.

Так жители Пинцина воочию убедились в триумфе соседей: Шаоюань праздновал великую победу, собрав даже со скудных, заброшенных каменистых наделов по две-три дани отборного зерна с каждого му!

<http://bllate.org/book/19045/2005032>